

БЛАГОДАРНОСТИ

Те из нас, кому хватает дерзости ходить по грани — или прочерчивать грань — между историей и фантазией, пребывают в глубоком долгу у историков, чьи исследования обрывочных свидетельств нашего прошлого требуют тем больше сил и нестандартных решений, чем глубже они погружаются.

Создавая свой вымышленный Аль-Рассан, я обращался за научной основой и вдохновением к трудам множества людей. Среди них я хотел бы особенно отметить работы Ричарда Флетчера, Дэвида Вассерштейна, Т. Ф. Глика, Нэнси Дж. Сираиси и Манфреда Ульмана (в области медицины), Ш. Д. Гойтейна, Бернарда Райли, Пьера Рише, а также захватывающие, страстные книги Рейнхарта Дози.

В стихах и песнях, встречающихся на страницах книги, знатоки периода, которым я вдохновлялся, уловят мотивы, позаимствованные у самых ярких голосов полуострова. Приличия требуют, чтобы я, помимо прочих, воздал должное творчеству аль-Мутамида, ар-Рунди, ибн Аммара и ибн Бассара.

Со сложностью и могуществом Пиренейского полуострова меня впервые познакомили двое людей, которые на протяжении почти всей моей жизни воплощали для меня идею культурного образа жизни: Глэдис и Дэвид Брасер. И я с огромным удовольствием приношу им здесь свою благодарность.

Я остаюсь благополучателем таланта и опыта самых разных людей. Доктор Рекс Кей, всегда готовый подставить плечо, оказал еще большее содействие, чем обычно, помогая со сбором медицинской информации для романа, а также тщательно вычитывая рукопись в процессе ее создания. Сюю Рейнольдс нарисовала еще одну ясную и необходимую карту. Во Франции подмогой мне были дружба и поощрение Стэна Родбелла и Синтии Фостер, а также Мэри и Бруно Гравиц. В Торонто продолжает одаривать меня сокровищами своего неисчерпаемого ума и столь же неистощимой поддержки мой старый друг Энди Паттон. И, наконец, как дома, так и за границей, опорой мне являются три любимых человека: моя мать, мой сын и моя жена.

Гай Гэвриел Кей

Во мне навеки этот вечер.
Ростки восхода северной луны,
Маня его неясным отраженьем,
О нем напоминают вновь и вновь.
Он навсегда во мне — мое второе «я»,
Мой путь к себе. Я сам —
Восход луны на юге.

Пол Кли.
«Тунисские дневники»

ОСНОВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ:

В Аль-Рассане:

(Все перечисленные ниже — ашариты, поклоняющиеся звездам Ашара, кроме отдельно отмеченных лиц)

Верховный правитель *Альмалик Картадский* (Лев Картады).

Альмалик, его старший сын и наследник.

Хазем, его второй сын.

Забира, его любимая наложница.

Аммар ибн Хайран из Альджейса, его главный советник,
воспитатель наследника правителя.

Эмир Бадир Рагозский.

Мазур бен Аврен, его визирь, из киндатов.

Тариф ибн Хассан, разбойник.

Идар } его сыновья.
Абир }

Хусари ибн Муса из Фезаны, торговец шелком.

Джеана бет Исхак, лекарь из Фезаны, из киндатов.

Исхак бен Йонаннон, ее отец.

Элиана бет Данил, ее мать.

Велас, их слуга.

В трех королевствах Эспераньи:

(Все перечисленные ниже — джадиты, поклоняющиеся богу-солнцу Джаду)

Король Эспераньи Санчо Толстый, ныне покойный.

Король Вальедо Раймундо, старший сын Санчо,
ныне покойный.

В королевстве Вальедо (столица Эстерен):

Король Рамиро, сын Санчо Толстого.

Королева Инес, дочь короля Ферьереса.

Граф Гонзалес де Рада, министр Вальедо.

Гарсия де Рада, его брат.

Родриго Бельмонте (Капитан), воин и владелец ранчо,
бывший министр Вальедо.

Миранда Бельмонте д'Альведа, его жена.

Фернан }
Диего } его сыновья.

Иберо, клирик, учитель сыновей Родриго Бельмонте.

Лайн Нунес, *Мартин*, *Лудус*, *Альвар де Пеллино* — солдаты
отряда сэра Родриго.

В королевстве Халонья:

Король Бермудо, брат Санчо Толстого.

Королева Фруэла, его жена.

Граф Нино ди Каррера, фаворит короля (и королевы).

В королевстве Руэнда:

Король Санчес, младший сын Санчо Толстого, брат Рамиро
Вальедского.

Королева Беарте, его жена.

В пустыне Маджрити:

(За южным проливом; место обитания племен маджритийцев)

Язир ибн Кариф из племени зухритов, вождь маджритийцев.

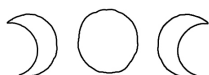
Галиб, его брат, главнокомандующий племен.

В странах Востока:

Жиро де Шерваль, верховный клирик Джада в Ферьересе.

Рецциони бен Корли, киндат, лекарь и учитель из города
Сореника в Батиаре.

ПРОЛОГ

День только что перевалил за середину, и скоро должен был прозвучать третий призыв на молитву, когда Аммар ибн Хайран миновал Врата Колоколов и вошел во дворец Аль-Фонтина в городе Силвенес, чтобы убить последнего из халифов Аль-Рассана.

Он прошел во Двор Львов и остановился перед теми из двойных дверей, которые вели в сады. Двери охраняли евнухи. Он знал их по именам. С ними все было улажено. Один из них слегка кивнул ему, другой отвел глаза. Он предпочитал второго. Они открыли тяжелые створки, и он вошел. Услышал, как двери за ним захлопнулись.

В это жаркое время дня в садах было пусто. Все те, кто еще оставался в увядающей великолепии Аль-Фонтины, прятались в прохладе внутренних помещений. Они потягивали освежающие сладкие вина или изящными, длинными зиринскими ложками вкушали шербеты, охлаждаемые в глубоких подвалах на снегу, доставленному с гор. Роскошь иной эпохи, предназначавшаяся совсем не тем мужчинам и женщинам, которые обитали здесь сейчас.

Погруженный в эти мысли, ибн Хайран бесшумно шагнул через Апельсиновый сад, потом миновал подковообразную арку, прошел в Миндальный сад и, оставив позади следующую арку, оказался в Кипарисовом саду, где стояло лишь одно высокое, прекрасное дерево, отражающееся в трех прудах. Каждый сад был меньше предыдущего, каждый ранил сердце своей красотой. Как сказал некогда поэт, дво-

рец Аль-Фонтина был построен для того, чтобы ранить сердца.

В конце своего долгого пути ибн Хайран подошел к саду Желания, самому маленькому из всех и прекрасному, как драгоценный камень. И там, на парапете фонтана, в тихом одиночестве сидел в белых одеждах Музафар, как было заранее договорено.

Ибн Хайран поклонился еще под аркой, по глубоко укоренившейся привычке. Слепой старик не мог видеть его поклона. Через мгновение он двинулся вперед, медленно ступая по тропинке, ведущей к фонтану.

— Аммар? — спросил Музафар, услышав его шаги. — Мне сказали, что ты придешь сюда. Это ты? Ты пришел, чтобы увести меня отсюда? Это ты, Аммар?

Так много можно было на это ответить.

— Это я, — сказал ибн Хайран, приближаясь. Он вынул из ножен кинжал. Голова старика внезапно дернулась вверх, словно он узнал этот звук. — Действительно, я пришел, чтобы освободить тебя из этого царства призраков и эха.

С этими словами он плавным движением всадил клинок по рукоять в сердце старика. Музафар не издал ни звука. Все было сделано быстро и уверенно. Ибн Хайран сможет сказать ваджи в их храмах, если до этого когда-нибудь дойдет, что подарил старику легкую смерть.

Он опустил тело на парапет фонтана, расположив руки и ноги под белыми одеждами таким образом, чтобы придать мертвому как можно больше достоинства. Сполоснул клинок в фонтане, и хрустальные струи на несколько секунд стали красными. Согласно учению его народа, уходящему на многие сотни лет в глубину восточных пустынь, где зародилась вера ашаритов, убийство помазанника божьего — халифа — было преступлением, которое невозможно искупить. Он посмотрел на лежащего Музафара, на округлое, морщинистое лицо, нерешительное даже после смерти.

«Он не был истинным помазанником, — сказал Альмалик тогда, в Картаде. — Это все знают».

✧ ПРОЛОГ ✧

Только в этом году было четыре марионеточных халифа: один здесь, в Силвенесе, до Музафара, один в Тудеске и еще тот несчастный ребенок в Салосе. Такому состоянию дел следовало положить конец. Те трое уже были мертвы. Музафар стал последним.

Всего лишь последним. Некогда в Аль-Рассане водились львы, львы стояли на пьедесталах в этом дворце, построенном для того, чтобы заставлять людей падать на колени на мрамор и алебастр перед ослепительным доказательством славы, которую невозможно осознать.

Музафар действительно никогда не был помазан должным образом, как и сказал Альмалик Картадский. Но пока двадцатилетний Аммар ибн Хайран стоял в саду Желания у дворца Аль-Фонтина в Силвенесе и смывал со своего клинка алую кровь, ему в голову пришла мысль: что бы он ни совершил в жизни за те дни и ночи, которые Ашар и бог соблаговолят отмерить ему под круговращением их священных звезд, отныне он навсегда станет человеком, который убил последнего халифа Аль-Рассана.

— Тебе лучше будет с богом, среди звезд. Теперь наступит время волков, — сказал он мертвому старику у фонтана, вытер и вложил в ножны свой кинжал и пошел обратно через идеально прекрасные пустые сады к дверям, где ждали подкупленные евнухи, чтобы выпустить его. По дороге он слышал, как одна глупая птица пела в белом, обжигающем полуденном свете, а потом услышал, как зазвонили колокола, призывая всех добрых людей на святую молитву.

Часть первая

